

*Брызгалова И.Г., кандидат исторических наук, доцент,
Институт Истории и Международных отношений
Южный федеральный университет*

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА: К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ВЛАСТИ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ» ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Аннотация: в статье анализируется отношение к власти революционной демократии – партий советского большинства, самых крупных социалистических партий – эсеров и меньшевиков, рассматривается вопрос – передачи власти советским большинством Временному Правительству после победы Февральской революции, насколько это было продиктовано политической реальностью и необходимостью, чем руководствовались лидеры советского большинства, что их подвигло на такой шаг.

Ключевые слова: власть, революционная демократия, партии, Февральская революция, Временное Правительство

Научный интерес представляет проблема отношения к власти революционной демократии – партий советского большинства, самых крупных социалистических партий – эсеров и меньшевиков. Конечно, сама по себе эта проблема очень обширна, поэтому в рамках данной статьи рассматривается вопрос – передача власти советским большинством Временному Правительству после победы Февральской революции. Февраль – март 1917 года – это особый период в развитии революции и в поведении политических партий советского большинства.

Почему лидеры меньшевиков и эсеров, имея большинство в Советах и имея огромную поддержку различных слоев населения, отдали власть Временному Правительству, фактически способствуя его образованию? Это очень важный и ключевой момент революции, так как он во многом определял развитие последующей ситуации. Необходимо объективно разобраться, насколько это было продиктовано политической реальностью и необходимостью, чем руководствовались лидеры советского большинства, что их подвигло на такой шаг?

До 90-х годов существовала традиционная схема изучения этого процесса, основой, которой был термин «властебоязнь». В советской историографии господствующая точка зрения оценивала политику меньшевиков и эсеров однозначно, как «соглашательскую», которая автоматически распространялась на всю линию поведения меньшевиков и эсеров от Февраля к Октябрю.

Кардинально изменившаяся историографическая и источниковедческая ситуация позволяет пересмотреть устоявшиеся точки зрения.

Начиная с 90-х годов были открыты и опубликованы различные источники, работы лидеров революционной демократии, доступной стала эсеро-меньшевистская пресса. Ранее, оценивая события Февраля, историческая наука апеллировала, как правило, к одной стороне (руководствуясь пози-

циями и отношением большевиков по различным вопросам). Теперь появилась возможность дать слово всем партиям, они имели свои самостоятельные концепции по вопросам революции и государственного устройства.

Изменилось отношение историков и общества в целом к деятельности этих партий. Партии советского большинства действовали как равноправные и равноценные политические силы, оказывая большое влияние на политическую жизнь страны, они были органичной составной частью революционного движения в России и представляли собой типичный блок пролетарских и мелкобуржуазных элементов, отражавших всю сложность социальной структуры России того времени. Политическое наследие меньшевиков и эсеров, их экономические и политические идеи сегодня весьма актуальны.

В ходе Февральских событий в Петроградском, а также и в других Советах происходило объединение меньшевиков и эсеров. Их «политическая линия» требовала дальнейшего демократического развития общества, прекращения войны, расширения и усовершенствования рабочего законодательства, проведение радикальной земельной реформы, созыва Учредительного Собрания. Указанные программные положения, отражающие единство взглядов на развитие революции, позволили меньшевикам и эсерам образовать в Советах и их исполнительных комитетах единый блок «революционной демократии», который существовал до осени 1917 года.

Кроме Советов, «опорными пунктами» революционной демократии были созданные почти повсюду профсоюзы, фабзавкомы, кооперативы, войсковые комитеты, местные органы самоуправления, а также различные повсеместно создававшие общественные организации. Что и способствовало с одной стороны созданию ситуации «двоевластия» в Центре страны. Но, имея такую солидную базу в лице «опорных пунктов револю-

ции» Исполком Петроградского Совета пошел на переговоры с Временным комитетом Государственной Думы? Почему лидеры Советов пошли на такой шаг?

Прежде основной мотив поведения определялся, конечно, только теоретическими взглядами меньшевистско-эсеровских руководителей. Это была господствующая точка зрения в советской историографии. На этом сосредотачивалось все внимание, исчерпывались все объяснения. Поведение лидеров «революционной демократии» трактовалось очень упрощенно.

Лидеры советского большинства действительно исходили из той основной теоретической посылки, что поскольку свершившаяся революция – буржуазная, власть должна сосредоточиться в руках правительства из представителей либерально-буржуазных партий. Действительно такие теоретические представления имели место, но они не были определяющими.

В. Чернов отмечал: «Руководящим деятелям Совета могло казаться естественно, и казалось, что советская демократия отеклась от составления Временного Правительства в пользу демократии цензовой потому, что в советском лагере возобладали естественно и единственно правильный взгляд на русскую революцию, как революцию буржуазную, открывающую собой длинный исторический период капиталистической индустриализации России. За это как – будто говорила внешность событий. Фактический исход споров о способе организации власти всего мог быть политически осмысленным и теоретически обоснованным именно их теорией» [1].

Ранее в исторической литературе давались односторонне упрощенные оценки этого процесса и действия лидеров советского большинства оценивались как «соглашательские», «предательство интересов рабочего класса» на всем периоде от Февраля к Октябрю. Все это не полно и очень схематично отражает всю сложность той политической ситуации, в которой происходило формирование государственной власти. И ярлык «соглашателей», (руководствуясь большевистской терминологией тех лет), хотя сами лидеры советского большинства употребляли термин «сотрудничество», прочно и надолго закрепился за меньшевиками и эсерами в вопросах власти революционного периода.

Необходимо отметить и второй теоретический момент, который влиял на поведение лидеров советского большинства: над ними довлела теоретическая аналогия 1905 года, неудачный опыт Первой русской революции, буржуазно – демократической по характеру.

В определении взаимоотношений между меньшевиками, эсерами и кадетами следует принять во внимание (теоретическая аналогия) еще одно очень важное соображение. Большевики, как, кстати, и эсеры, опасались изоляции пролетариата в грядущей революции, изоляции от мелкобуржуазной демократии в борьбе против самодержавия в процессе дальнейшего развития революции. Это обоснование «красной нитью» проходило через всю меньшевистскую литературу в годы между двумя революциями [2]. Эта мысль в разных вариантах разрабатывалась меньшевистскими идеологами – Мартовым, Потресовым, Масловым, Черваниным, Рожковым и др. [3]. Именно этой изоляции они в большей степени приписывали поражение революции 1905 года. Согласно этому ходу мыслей, рабочий класс в первой революции пошел слишком влево и этим радикализмом оторвался от своих «естественных» союзников против самодержавия – от буржуазной демократии. Аналогичная проблема встала и в 1917 году. Оттолкнуть кадетов, значило для меньшевиков – рискнуть новой «изоляцией» и новым поражением. Боязнь повторить ошибку первой революции заставила некоторых влиятельных лидеров меньшевизма сначала поддерживать первое Временное Правительство, а потом образовать с той же буржуазией коалиционное правительство [4].

Помимо теоретических установок, определявших поведение лидеров «революционной демократии», в большей степени практические моменты влияли на решения руководства Советов при формировании органов государственной власти.

Анализ работ В.М. Чернова, В.М. Зензинова, В.Б. Станкевича, Г.В. Плеханова, И.Г. Церетели, Н.Н. Суханова, А.Ф. Керенского, Ф.И. Дана, Ю.О. Мартова, показывает, что меньшевистско-эсеровское руководство Советов действовало первоначально (февраль-март 1917 года), исходя из жестких реалий политической ситуации в России. Февраль-март 1917 года – это особый период в деятельности лидеров Советов, их позиции разделяли Советы на местах [5].

Первый практический момент – это схожесть взглядов меньшевиков и эсеров с кадетами, параллелизм не только в теории, но и в практической деятельности. Особенно это прослеживается в деятельности меньшевиков и кадетов. «Из меньшевистского взгляда на будущую революцию и меньшевистской оценки перспектив России явно вытекал параллелизм целей и методов у меньшевиков и кадетов – параллелизм, который намечался еще до революции не только в теории, но и на практике» [6].

Либералы и меньшевики стремились к европеизации России, к европеизации российского рабо-

чего движения, европеизации системы государственной власти.

Кадеты пытались создать в России правовой строй, основанный на народовластии и гражданских свободах. Большевики старались внести в рабочее движение не только классовое сознание, но и рабочую самодеятельность, демократические нормы, свободные профсоюзы. По своей доктрине меньшевистские вожди были похожи на социал-демократов европейского толка. С другой стороны многие европейские лидеры, которые, как Струве и даже Миллюков, в молодости увлекались марксизмом, видели в меньшевиках своих естественных союзников и в борьбе против самодержавия, и в борьбе за установление демократии в стране [7].

Между меньшевиками, эсерами и кадетами имел место параллелизм в практической политике. Они также как и либералы, были убежденными и активными «оборонцами», участвовали в рабочих группах при Военно-промышленных комитетах, созданных, для усиления обороноспособности страны и использовали, появившиеся после революции 1905 года скромные, но все же ощутимые возможности легальной деятельности в печати, профсоюзах, страховании и в Государственной Думе.

Второй момент – состояние самих партий революционной демократии к марту 1917 года. В то время, как буржуазные партии имели за собой свыше 10 лет открытого существования и устойчивой гласной организации – партии социалистической ориентации держались почти всегда на голлом скелете кадров «профессиональных революционеров» и впервые им пришлось увидеть этот скелет, обросший живой плотью. В этих партиях происходили очень сложные процессы формирования, роста, укрепления. Это был период легального партийного строительства. Из замкнутых конспиративных организаций они превращались в партии со своими сторонниками и сочувствующими. В. Чернов отмечал: «В открывшихся для всех входных дверях этих партий происходила невероятная давка: партии так разбухали от наплыва новобранцев, что вожди с тайным ужасом уже начали смотреть на этот наплыв, во что превратятся эти партии, когда их старая гвардия растворится в серой, неопытной, наивно доверчивой массе? Словом было ясно, что революционной демократии предстоит небывалая по величине и сложности задача организационного закрепления своих успехов, обучения и воспитания, нахлынувших в ее ряды масс, создание стойкой системы партийных органов» [8].

В таких условиях складывалась ситуация, при которой количество квалифицированных партийных сил было очень мало, а подлинно выдержан-

ных и надежных партийных людей было недостаточно, очень ограниченный контингент. И выделить из него еще в нужном количестве крупные, вполне соответствующие назначению, партийные величины в правительство, аппараты министерств, для руководства в органы местного самоуправления – это означало обескровить себя в партийных организациях, да и в Советах. «Элементарный инстинкт партийного самосохранения заставлял скупиться на «выдачу головою» крупных деятелей в «плен государственному аппарату» и «прививал патриотам партии» изрядную долю отталкивания от власти» [9].

Третий практический момент – состояние цензовой и революционной демократии. Цензовая демократия была во всеоружии всех своих духовных и политических ресурсов. У нее был свой, собранный воедино, главный штаб, олицетворявший мозг партии («Прогрессивный блок», думские фракции). А самые квалифицированные силы революционной демократии находились еще в далекой ссылке или в еще более далеком изгнании. Не удивительно, что в отсутствие самых руководящих, влиятельных людей, духовных отцов, вдохновителей и полководцев партий, скромные рядовые колебались взвалить на свои плечи бремя ответственности, принимать важные решения.

Далее, между вождями революционной демократии и вождями демократии цензовой была огромная разница к невыгоде первых и выгоде вторых. «Все крупные фигуры цензовиков успели составить себе крупные «всероссийские имена». В городских думах, в открытых общественных, научных, культурно-просветительных и тому подобных объединениях, на предвыборных собраниях, наконец, на самой высокой общественно-политической трибуне – трибуне Государственной Думы – цвет буржуазных партий уже давно фиксировал на себе взоры и слух всей страны. В то время как лидеры революционной демократии, известные и ценимые каждый в своем кругу, скрывающиеся под псевдонимами, меняющие имена и паспорта, были за немногим исключением, для широкого общественного сознания и мнения загадочными незнакомцами» [10].

Четвертый практический момент – в самом лагере революционной демократии не было единства и программного единодушия. Для образования правительства революционной демократии не хватило программного единодушия, в ее среде имело место пестрота взглядов и на характер революции и на связь между революцией и войной. «Правда, в лагере цензовой демократии, в недрах думского «Прогрессивного блока» тоже не все было ладно, однако же буржуазные политики того времени были гораздо более гибкими, эластичными, иску-

шенными в искусстве политического компромисса, чем деятели революции» [11].

Русская революционная демократия дробилась на разные фракции. Не было единодушия ни в партии меньшевиков, ни в партии эсеров [12]. По всем коренным вопросам: война, коалиция с кадетами, перспективы развития революции не было единого мнения. В. Чернов, анализируя внутрипартийную ситуацию, писал: «Вождям разных фракций, на которые дробилась революционная демократия, было бы нелегко сговориться об общей политической платформе создаваемого им правительства, а рядовые приверженцы несговорчивостью и сектантством обычно превосходили вождей» [13]. «Между тем, общее положение России – экономическое, финансовое, стратегическое, международное, политическое было до такой степени сложным и трудным, что тут требовалось единство смелого и продуманного решения, единство воли и разума революционной демократии, а налицо было лишь одно уравнение со многими неизвестными» [14].

«А буржуазным политикам договориться между собой было легче, хотя бы уже по одному тому, что им достаточно было сойтись в практических выводах, тогда как на людях революции тяготела слабость считать, что одинаковость практических заключений ненадежная скрепа, если она не вытекает из единства исходных точек, их единства святых методологических принципов» [15].

Пятый практический момент – крупные деятели «революционной демократии» были абсолютно не знакомы с техникой государственного управления и его аппаратом. Даже среди кадетов многие чувствовали себя недостаточно подкованными в этой области. А ведь кадеты учились «технике управления» и в органах самоуправления, городских думах и земствах, в четырех Государственных Думах, во всевозможных парламентских комиссиях, разрабатывая вместе с министрами бюджеты ведомств, контролируя их работу. Буржуазия действительно была наиболее подготовлена для того, чтобы взять на себя управление государством: она контролировала большую часть экономики, а, следовательно, и кадры, обладавшие опытом управления. При выработке политических решений она могла рассчитывать на солидарность правящих классов союзных держав, хозяйственные связи с ними очень окрепли в ходе войны. В. Чернов справедливо заметил, что «лишь реальное влияние на ход государственных дел возвращает в людях сознание ответственности и умения расценивать каждый шаг с точки зрения непосредственных практических результатов. Политика же нелегальных партий обычно бывает политикой дальнего прицела» [16].

Вожди же «революционной демократии» – они «учились в тюрьмах и на этапных пунктах, в качестве объектов государственного управления, а самоуправление им практически было хорошо знакомо через институт выборных тюремных старост» [17]. Занимая крупнейшие посты в Советах, лидеры меньшевиков и эсеров пытались решать определенные государственные вопросы, сталкиваясь с огромным числом трудностей. В.Б. Станкевич вспоминает: «Новые вопросы нахлынули в таком количестве и изобилии и в таком никогда еще небывалом виде, что громадное большинство было сбито с толку. Что делать с арестованным царем, с заключенными министрами, можно ли позволить «правой печати» выходить, нужно ли отменить смертную казнь, как организовать выборы в Учредительное Собрание, как быть с войной? И еще множество животрепещущих вопросов, которые нужно было решать незамедлительно. Их приходилось решать в обстановке очень специфической и людям, которые не имели возможности прикоснуться к административному аппарату России» [18].

Шестой практический момент – отношение лидеров советского большинства к Советам, как органам власти и состояние самих Советов в феврале-марте 1917 года. Лидеры советского большинства не рассматривали Советы в качестве основы будущей государственной власти в России [19].

Лидеры «революционной демократии» имели свою собственную точку зрения и по отношению к Советам и по вопросу передачи власти в феврале 1917 года, что обуславливалось их теоретическими воззрениями и сложившейся реальной обстановкой.

Помимо теоретических соображений, лидеры Советов в вопросе передачи власти Временному Правительству действовали исходя из жестких реалий политической ситуации в России. В. Чернов отмечал: «Советская демократия уступила создание власти, формирование Временного Правительства – демократии цензовой, потому, что она встала лицом к лицу со слишком большими трудностями и притом не одними внешними (война), но еще более чувствительными трудностями внутренними» [20].

Инициатор советского решения о передаче власти цензовой демократии Н.Н. Суханов отдавал себе отчет в том, что значит передать власть «классовому врагу». Но все же предлагал идти на это «обеспечив демократии полную свободу борьбы с этим врагом, вручив ему власть на условиях, которые должны обеспечить демократии полную свободу и полную победу над ним в недалеком будущем» [21].

Четко выделяются два периода в линии поведения и деятельности лидеров Советов: февраль-март; апрель-сентябрь 1917 года.

В феврале-марте лидеры «революционной демократии» считали несвоевременной взятие власти, партии советского большинства проводили единую линию на передачу власти от революционной демократии к цензовой. Поведение лидеров Советов характеризовалось в этот период не «властебоязнь», а объективным состоянием самой революционной демократии, сложившейся ситуацией в стране, пониманием «несвоевременности взятия власти» и неготовностью это сделать. Единый блок «революционной демократии» оказывал

«условную поддержку» Временному Правительству, исходя из того, что оно будет вести страну по пути углубления буржуазной демократии, соответствовавшей коренным интересам пролетарских и крестьянских масс.

В апреле-сентябре в стране, в самих партиях советского большинства происходят процессы, которые трансформируют политику их лидеров в вопросах власти и постепенно политика «временного невзятия власти» перерастает в плоскость практического сотрудничества революционной и цензовой демократии по вопросам организации власти в стране.

Литература

1. Чернов В. Социалистическая партия (Лидеры, позиции, колебания): Сб. «Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей». М.1991. С. 155.
2. Анин Д. Революция и ее историография. Сб. «Октябрьский переворот // Революция 1917 года глазами ее руководителей». М. 1991. С. 65.
3. Общественное движение в России в начале XX века (под ред. Ю. Мартова, П. Маслова, А. Потресова и др.). СПб. 1909.
4. Анин Д. Указ. соч. С. 65.
5. «Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей». М. 1991.
6. Анин Д. Указ. соч. С. 65.
7. Там же.
8. Чернов В. Указ. соч. С. 158.
9. Чернов В. Указ. соч. С. 158 – 159.
10. Там же.
11. Чернов В. Указ. соч. С. 156.
12. Иоффе Г.З. Меньшевики // Наука и жизнь. 1990. №11. С. 81; Анин Д. Революция и ее историография: Сб. «Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей». М.1991. С.83; Политические партии в 3-х российских революциях: Материалы конф. М. МАДИ. 1991. С. 69 – 71.
13. Чернов В. Указ. соч. С. 156.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Чернов В. Указ. соч. С. 157.
18. Станкевич В.Б. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов: Сборник «Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей». М. 1991. С. 135.
19. Брызгалова И.Г. Идеи демократии в теории и исторической практике (опыт реализации общетеоретических принципов: организация демократического механизма власти на Дону и Северном Кавказе после Февраля 1917 года) // Европейский журнал социальных наук. Рига-Москва. №2 (июль) 2011 г. С. 202 – 212.; Капустин М. Конец утопии. Прошлое и будущее социализма. М. 1990. С. 96 – 97.; Станкевич В.Б. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов: Сб. «Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей». М.1991. С. 135.
20. Чернов В. Указ. соч. С. 155.
21. Чернов В. Указ. соч. С. 159 – 160.

References

1. Chernov V. Socialisticheskaja partija (Lidery, pozicii, kolebanija): Sb. «Oktjabr'skij perevorot. Revoljucija 1917 goda glazami ee rukovoditelej». M.1991. S. 155.
2. Anin D. Revoljucija i ee istoriografija. Sb. «Oktjabr'skij perevorot // Revoljucija 1917 goda glazami ee rukovoditelej». M. 1991. S. 65.
3. Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka (pod red. Ju. Martova, P. Maslova, A. Potresova i dr.). SPb. 1909.

4. Anin D. Ukaz. soch. S. 65.
5. «Oktjabr'skij perevorot. Revoljucija 1917 goda glazami ee rukovoditelej». M. 1991.
6. Anin D. Ukaz. soch. S. 65.
7. Tam zhe.
8. Chernov V. Ukaz. soch. S. 158.
9. Chernov V. Ukaz. soch. S. 158 – 159.
10. Tam zhe.
11. Chernov V. Ukaz. soch. S. 156.
12. Ioffe G.Z. Men'sheviki // Nauka i zhizn'. 1990. №11. S. 81; Anin D. Revoljucija i ee istoriografija: Sb. «Oktjabr'skij perevorot. Revoljucija 1917 goda glazami ee rukovoditelej». M.1991. S.83; Politicheskie partii v 3-h rossijskikh revoljucijah: Materialy konf. M. MADI. 1991. S. 69 – 71.
13. Chernov V. Ukaz. soch. S. 156.
14. Tam zhe.
15. Tam zhe.
16. Tam zhe.
17. Chernov V. Ukaz. soch. S. 157.
18. Stankevich V.B. Iсполnitel'nyj komitet Soveta rabochih i soldatskih deputatov: Sbornik «Oktjabr'skij perevorot. Revoljucija 1917 goda glazami ee rukovoditelej». M. 1991. S. 135.
19. Bryzgalova I.G. Idei demokratii v teorii i istoricheskoy praktike (opyt realizacii obshheteoreticheskikh principov: organizacija demokraticeskogo mehanizma vlasti na Donu i Severnom Kavkaze posle Fevralja 1917 goda) // Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. Riga-Moskva. №2 (ijul') 2011 g. S. 202 – 212.; Kapustin M. Konec utopii. Proshloe i budushhee socializma. M. 1990. S. 96 – 97.; Stankevich V.B. Iсполnitel'nyj komitet Soveta rabochih i soldatskih deputatov: Sb. «Oktjabr'skij perevorot. Revoljucija 1917 goda glazami ee rukovoditelej». M.1991. S. 135.
20. Chernov V. Ukaz. soch. S. 155.
21. Chernov V. Ukaz. soch. S. 159 – 160.

*Bryzgalova I.G., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University*

FEBRUARY 1917 YEAR: TO THE QUESTION OF THE TRANSFER POWER «REVOLUTIONARY DEMOCRACY» TO THE INTERIM GOVERNMENT

Abstract: this article analyzes the attitude to power revolutionary democracy party Soviet majority, the largest Socialist parties-Socialist revolutionaries and Mensheviks, examines the transfer of power to a provisional Government by the majority of the Soviet after the victory of the February revolution, as dictated by the political reality and necessity than guided the Soviet leaders of the majority that they made such a step.

Keywords: power, revolutionary democracy party, the February revolution, the provisional Government